

Холодков Вадим Сергеевич

ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ В РОМАНАХ Ф. ИСКАНДЕРА И Л. ТОЛСТОГО: ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются основные особенности изображения истории в романах "Война и мир" Л. Толстого и "Сандро из Чегема" Ф. Искандера, определяются сходства и отличия выраженных в данных произведениях историософских концепций, которые отмечались многими учеными, но никогда не изучались отдельно от других проблем. Исследуются отношение обоих авторов к официальной истории и государству, их понимание цели истории, причин исторических событий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/12/36.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (90). С. 124-127. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 821.161.1-31.09

Филологические науки

В статье рассматриваются основные особенности изображения истории в романах «Война и мир» Л. Толстого и «Сандро из Чегема» Ф. Искандера, определяются сходства и отличия выраженных в данных произведениях историософских концепций, которые отмечались многими учеными, но никогда не изучались отдельно от других проблем. Исследуются отношение обоих авторов к официальной истории и государству, их понимание цели истории, причин исторических событий.

Ключевые слова и фразы: Л. Толстой; Ф. Искандер; роман; история; историософия.

Холодков Вадим Сергеевич

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Украина
maxifriolero@gmail.com*

**ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ В РОМАНАХ Ф. ИСКАНДЕРА
И Л. ТОЛСТОГО: ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА[©]**

Как и многие выдающиеся писатели XX века, Ф. Искандер стремится осмыслить сложную и противоречивую историю России, выявить причины и обозначить последствия потрясений, постигших страну в течение последнего столетия. Эту цель писатель сформулировал в предисловии к роману «Сандро из Чегема», действие которого происходит в Абхазии – части сначала Российской империи, а затем – Советского Союза, и потому переживающей те же исторические события: «История рода, история села Чегем, история Абхазии и весь остальной мир, как он видится с чегемских высот, – вот канва замысла» [5, с. 5]. Главной особенностью исторической концепции Ф. Искандера является то, что история страны показана сквозь призму истории рода, осмыслена автором из горного уголка огромной империи – абхазской деревни Чегем. Во многом понимание Ф. Искандером истории сходно с концепцией Л. Толстого. В одном из интервью Ф. Искандер говорил: «Впрямую я ни у кого не учился, но кумиром для меня всегда был Лев Толстой» [4]. На сходство историософских концепций Л. Толстого и Ф. Искандера указывали в своих работах различные исследователи. Так, А. Жолковский в статье «Очные ставки с властителем: из истории одной пушкинской парадигмы» отметил сходство историософских концепций Л. Толстого и Ф. Искандера. Противопоставляя историзм В. Скотта и А. Пушкина с одной стороны, и Л. Толстого и Ф. Искандера с другой, исследователь пишет о творчестве создателя романа «Сандро из Чегема»: «Легко видеть, скоттовско-пушкинская парадигма перевернута здесь в духе Толстого, только ещё радикальнее. Доминантой сюжета становится амбивалентное совмещение причастности рядового протагониста к Истории и необходимости понадежнее от неё укрыться» [3]. М. Каневская в статье «Кратчайший путь к истине: децентрализация дискурса у Фазиля Искандера» определяет специфику творчества Искандера отсылкой к Л. Толстому: «Что же является истиной, к выражению которой стремится Искандер? Наиболее кратко ответ можно сформулировать известными словами Толстого: “мысль народная” и “мысль семейная”. Именно эти традиционные ценности и утверждает Искандер» [6]. В то же время сходство исторических концепций этих писателей прежде отдельно от других проблем не изучалось. В данной статье рассматривается одна из составляющих мировоззренческой системы двух авторов – историософская концепция Л. Толстого и Ф. Искандера, выраженная в романах «Война и мир» и «Сандро из Чегема». Эти произведения выбраны для сравнительного анализа неслучайно: оба романа отличаются панорамным изображением жизни народа в течение достаточно длительного периода времени. Кроме того, оба автора стремятся увидеть в хаосе истории некие основополагающие причины и осмыслить последствия значительных исторических событий. Установление сходств и различий в способах объяснительных систем истории в творчестве Ф. Искандера и Л. Толстого является целью настоящей статьи.

Рассуждая об исторических взглядах Ф. Искандера и Л. Толстого, следует говорить именно об историософии, под которой И. Бражников понимает «целостную концепцию истории на основе определенного миропонимания» [1, с. 10]. Исследователь поясняет свою мысль: «Мы можем говорить об историософии только тогда, когда... есть целостный взгляд на историю, понимание ее как целого» [Там же]. Именно стремление к постижению глубинного смысла не только описываемых исторических событий, но всего исторического процесса в целом, рассмотрение события в контексте всей истории, выявление причин и в особенности последствий этих событий и позволяют считать Ф. Искандера и Л. Толстого «историософами». Это стремление отличает их от писателей, которых условно можно назвать «историками» (В. Скотт, А. Пушкин). При этом «историков» отличают внимание к деталям, подробное описание исторических событий, отказ от постижения истории как единого целого и определения её цели и смысла. В отличие от них, «историософ» Л. Толстой пренебрегает описанием исторических деталей и сосредотачивается на определении причинно-следственных связей в истории. Так, в романе «Война и мир» автор отказывается от описания сражений или иных важных исторических событий, сосредотачивая внимание на эмоциях рефлексии участников или очевидцев этих событий. Например, на страницах романа, посвящённых Бородинскому сражению, автор описывает тылы русской армии, место пребывания Кутузова, госпиталь, но не сам ход сражения. В. Скотта и

А. Пушкина с одной стороны, и Л. Толстого и Ф. Искандера с другой стороны, противопоставлял А. Жолковский. Он писал: «Скоттовская доминанта состоит в демонстрации знакомства с Историей как Другим и амбивалентного притяжения этого Другого... а доминантой ВМ («Войны и мира») является отвержение истории с большой буквы... поворот к радикально иному Другому в лице неофициального, рядового, русского, народного (например, Тушина и Каратаева)» [3].

В романе «Война и мир» Л. Толстой стремится постичь причины, которые коренным образом меняют жизнь всего народа: «Если цель истории есть описание движения человечества и народов, то первый вопрос, без ответа на который всё остальное непонятно, – следующий: “Какая сила движет народами?”» [9, с. 602]. Так, третий том начинается рассуждениями автора о причине Отечественной войны 1812 года. Л. Толстой пишет: «Чем больше мы углубляемся в изыскание причин, тем больше нам их открывается, и всякая отдельно взятая или целый ряд причин представляются нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью события, и одинаково ложными по недействительности своей (без участия других совпадающих причин) произвести совершившееся событие» [Там же, с. 6]. В этих рассуждениях присутствует очень важное для понимания исторических взглядов Л. Толстого понятие – «равнодействующая разнонаправленных волей». При этом писатель не может согласиться с тем, что историю творят лишь правители, выдающиеся личности. Каждый из его героев вовлечён в важные исторические события, но воля каждого – лишь часть силы, необходимой для свершения этого события. Писатель полагает, что история творится благодаря всем участникам, в том числе самым, казалось бы, незначительным. Влияние правителей на ход истории для Л. Толстого равно влиянию рядового солдата: «Действия Наполеона и Александра, от слова которых зависело, казалось, чтобы событие свершилось или не свершилось, – были так же мало произвольны, как и действие каждого солдата» [Там же, с. 7]. Несмотря на волю правителя, событие не может осуществиться без рядового исполнителя: «Такой же причиной как отказ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назад герцогство Ольденбургское, представляется нам и желание или нежелание первого французского капрала поступить на вторичную службу: ибо, если бы он не захотел идти на службу и не захотел бы другой, и третий, и тысячный капрал и солдат, настолько менее людей было бы в войске Наполеона, и войны не могло бы быть» [Там же]. Исторические деятели – лишь обычные персонажи истории, с ними связывают развитие истории как воплощение их воли, но это – иллюзия.

Толстому совсем не свойственен исторический фатализм. Главная мысль в его философии истории – невозможно причины исторических событий сводить к воле государственного деятеля, поскольку историческое событие происходит в силу объективных причин, а именно вследствие объединённой воли многих людей. Попытки толстовских персонажей собственными действиями повлиять на ход истории оказываются напрасными. Так, героический порыв Болконского не изменяет хода Аустерлицкого сражения, которое русская армия проиграла, а Пьер Безухов, замысливший убить Наполеона, не осуществляет своего намерения, не имея для этого ни удобного случая, ни достаточной решимости. Желание отдельного человека изменить ход истории тщетно – вот очевидная трактовка этих эпизодов романа.

Стремление властителя навязать свою волю истории и изменить её ход всегда сопровождается насилием. Отрицая любое насилие над человеком, Л. Толстой отрицает и необходимость существования государства и государственной власти, поскольку любая власть основана на насилии и уже потому противоречит принципам писателя: «Лжеучение государства состоит в признании себя соединённым с одними людьми одного народа, одного государства, и отделённым от остальных людей других народов и других государств. Освобождается же от него человек только тогда, когда признает в себе духовное начало жизни, которое одно и то же во всех людях. Признавая это начало, человек уже не может верить в те человеческие учреждения, которые разъединяют то, что соединено Богом» [10]. Рассуждая о мировоззрении Л. Толстого, А. Чернявский пишет: «Он убеждён, что насилие в частной жизни – ничто по сравнению с насилием организованным, государственным... И единственный реальный способ борьбы со злом – отказ от участия в государственном насилии» [11].

Историософская концепция Ф. Искандера в романе «Сандро из Чегема», как и в других его произведениях, не сформулирована, и о ней можно судить, лишь исходя из сюжета романа и авторских комментариев. Как и Л. Толстой, Ф. Искандер достаточно резко относится к государственной власти. Рассказ об известных исторических персонажах на страницах «Сандро из Чегема» сопровождается либо авторской иронией (принц Ольденбургский, Ленин), либо абсолютным неприятием (Сталин). Так, всех советских правителей в творчестве Ф. Искандера объединяет презрение к человеческой личности, её свободе и даже жизни. В то же время, отрицая позитивный вклад властителей в историю, Ф. Искандер не преуменьшает роль государственных деятелей в историческом процессе. Государственные деятели, безусловно, являются творцами истории, но мотивы их поступков далеко не всегда рациональны или даже благовидны. Подтверждение тому – образ Сталина, который занимает особое место в творчестве Ф. Искандера. Сталин, безусловно, творит историю, однако его замыслы и поступки во многом подчинены спонтанным желаниям и порывам. Важную роль в истории может сыграть даже случайно оброненное вождём словосочетание: «Народ сажал, повторил Сталин про себя, ещё смутно нащупывая взрывчатую игру слов, заключённую в это невинное выражение» [5, с. 197]. Игра слов аллюзивно соотнесена с самой идеей будущих массовых репрессий, когда большая часть народа с энтузиазмом поддерживала сталинские чистки и включалась в поиск «врагов». Здесь можно уловить очевидное противоречие в понимании роли правителя Ф. Искандером и Л. Толстым, который писал: «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет, тем очевиднее предопределённость и неизбежность каждого его поступка» [9, с. 8].

Зачастую у Ф. Искандера история творится и вовсе случайно. Случайность в истории Л. Толстым не отрицалась, но случайность в его понимании также закономерна и является результатом совпадения воли множества людей и их намерений: «Завлечение Наполеона вглубь страны произошло не по чьему-нибудь плану, а произошло от сложнейшей игры интриг, целей, желаний людей – участников войны, не угадывавших того, что должно быть, и того, что было единственным спасением России. Всё происходит нечаянно» [Там же, с. 99]. Случайность же по Ф. Искандеру – случайность абсолютная и алогичная. История по Ф. Искандеру творится во многом хаотично, и её логику зачастую невозможно объяснить.

Важной особенностью творчества Ф. Искандера является и то, что в романе «Сандро из Чегема» история часто объясняется при помощи альтернативной мифологии. Для Ф. Искандера официальная версия истории и мифы об истории равноправны. Примером искандеровского понимания истории является чегемский миф о Ленине, объясняющий и причины революции, и преждевременную смерть Ленина, и сталинские репрессии. Так, по мнению чегемцев, брат Ленина случайно преградил дорогу царю, и царь, разгневавшись, ударил его камочкой. Это, казалось бы, незначительное событие изменяет всю историю страны: «С этого всё и началось. Оказывается, род Ленина был очень гордым родом, хотя люди этого рода всегда бывали учителями или метили в учителя» [5, с. 536]. Брат Ленина, решив отомстить за оскорбление, ушёл в абреки, но был убит жандармами. Ленин же отомстил за брата, свергнув власть царя. Ленин, как полагают жители горного Чегема, хотел хорошего людям (за что они его прозвали Тот, Кто Хотел Хорошего, но не Успел), но был отравлен Большеусым (Сталиным). Перед смертью Ленин завещал «отогнать от власти Большеусого» и «не собирать крестьян в колхозы» [Там же, с. 537]. Но Сталин избавился от завещания и стал уничтожать людей, знавших об этом завещании, что объясняет сталинские репрессии. Таким образом, Ф. Искандер насмехается над советской мифологией, идеализирующей вождя всех народов, и деконструирует советскую версию официальной истории. Историю по Ф. Искандеру определяют случайности: брат Ленина случайно помешал царю проехать. А если бы не помешал? Возможно, история Российской империи сложилась бы по-другому.

Персонажи романа «Сандро из Чегема» также пытаются участвовать в исторических событиях, но, как и герои Л. Толстого, безуспешно. Так, Сандро пытается предупредить большевиков о деревянном броневике, который строят меньшевики, но красный комиссар к предупреждению относится с иронией, и большевики всё равно проигрывают бой. Если герои Л. Толстого не могут повлиять на ход истории в силу его определённости, то герои Ф. Искандера не могут влиять на историю, потому что история в принципе не имеет логики и смысла. Л. Толстой описывает историю XIX века, отличающуюся относительной нравственной благопристойностью, относительно разумным течением и сравнительно небольшим давлением власти на личность. В романе Ф. Искандера описана история XX века с двумя мировыми войнами, гражданской войной, репрессиями, коллективизацией и созданием тоталитарного строя. И сам трагический характер этих событий по Ф. Искандеру исключает возможность рационального объяснения. Более того, Ф. Искандер в принципе отрицает объективность истории. История в его произведениях предстаёт скорее симулякром, не отражающим реальность.

Ф. Искандер, как и Л. Толстой, отказывается видеть в истории закономерный, логический процесс. Именно в силу хаотичности и непостижимости истории Ф. Искандером используется мотив бездействия. Герои Искандера, оказываясь в гуще исторических событий, именно бездействие предпочитают действию. Сандро не выдаёт Сталина, в другом эпизоде Сандро предпочитает отказаться от защиты дома армянского табачника, в котором он гостил, от меньшевиков. «Большая» история у Ф. Искандера так страшна в своём неуправляемом хаосе, что его герои стремятся отмежеваться, спрятаться от неё. Саму историю Ф. Искандер сравнивает со стихией, чуждой и враждебной человеку: «Именно в эти дни дядя Сандро гостил у своего друга, жителя этого села, и на его глазах, можно сказать, история сдвинулась с места и покатила по черноморскому шоссе» [Там же, с. 78].

В романе «Сандро из Чегема» Ф. Искандер демонстрирует и изменение нравственного облика власти в XX веке. Власть в советском государстве лишена всяческих моральных принципов. Скептически относясь к Наполеону, Л. Толстой, тем не менее, не отказывает ему в положительных качествах и описывает, как французский император приказывает выдать Балашеву свежую лошадь или позаботиться о раненых. Сложно представить подобные приказы, исходящие из уст Сталина, в произведениях Ф. Искандера: «Сталин Искандера – это не пушкинский Пугачёв и даже не толстовский Даву или Наполеон: ни о законе, ни о милости, ни о человечности речь не заходит» [3]. Народ в тоталитарном государстве – не творец, а жертва истории.

В отличие от «Войны и мира», где подробно описаны знаменитые события российской и мировой истории (Бородинская битва, Аустерлицкое сражение, взятие французами Москвы в 1812 году), исторические события в романе «Сандро из Чегема» не описываются. Жители горной деревни Чегем могут лишь наблюдать отголоски того, что происходит в большом мире (битва между большевиками и меньшевиками, агитация меньшевиков, слухи об арестах в 1937 году). Но последствия большой истории становятся для абхазских крестьян трагическими: самый зажиточный крестьянин села Хабуг вынужден вступить в колхоз, сдать туда весь скот и с болью наблюдать за разрушением традиционного крестьянского мира; весельчак Чунка, неосмотрительно обругавший комсомол, чудом избегает ареста и обвинения в антисоветском заговоре; Харлампо и Деспина сосланы в Казахстан за принадлежность к греческому народу.

Фактически в романе «Сандро из Чегема» представлены два мира: патриархальный мир горной деревни Чегем и «большой» мир, где и творится история, которые противопоставляются автором на протяжении всего романа. «Миру официально-государственному Искандер противопоставляет естественный мир человеческих отношений» [7, с. 281]. Наличие этих двух миров определяет и наличие двух историй. В романе «Война и мир» происходящие исторические события сближают и объединяют дворянский и народный

мир: достаточно вспомнить чувства Пьера Безухова и князя Болконского на Бородинском поле. В романе Ф. Искандера два мира и две истории не соединяются ни единой целью, ни единым пониманием происходящих событий, ни общим пониманием истории. Происходящее в большом мире определяет жизнь чегемского мира, но и большой мир, мир государственный, оценивается «с чегемских высот», сквозь призму народного сознания. Ф. Искандер наследует толстовский интерес к частному, неофициальному, естественному. Но если у Л. Толстого «маленький человек» (Каратаев, Тушин) – это, прежде всего, стоик, брошенный в горнило истории и мужественно переносящий все невзгоды, то искандеровский крестьянин использует как минимум одно действенное оружие против государственной власти – иронию. Иронией проникнуто любое упоминание о советской идеологии или мифологии. Священное молебельное дерево, которому поклонялись чегемцы, во время коллективизации начинает произносить слово «Кум-хоз!». Деревенский острослов Колчерукий откликается на это событие репликой, обращённой к сторожившему дереву Сандро: «А ты научи своё дерево говорить “заём”... Заём! Заём! То-то порадуется хозяин!» [5, с. 141].

Историософские концепции Л. Толстого и Ф. Искандера сближает не только исходная точка – негативное отношение к официальной истории, но и понимание цели истории. Оба писателя отвергают идею исторического прогресса, заключающегося в построении новых государственных систем или иных зримых изменений общественного строя. Ф. Искандера в этом плане вообще можно назвать пессимистом – его Чегем в результате всё же разрушен советской системой. Суть всех изменений – нравственное совершенствование человечества. А. Чернявский пишет о Л. Толстом: «Для него она (нравственность) – не средство, а цель, нравственное состояние людей – главный критерий прогресса человечества. И наоборот, улучшение внешних условий жизни – социальных, экономических и всех прочих – это лишь средство для более быстрого движения к нравственной цели» [11]. Важность нравственности для общества подчёркивает и Ф. Искандер: «Я и сейчас думаю, что совесть – самое главное. Мы, вслед за Марксом, заблудились, считая, что экономика – это базис, а все остальное – надстройка. Тысячелетний опыт человечества, все религии мира утверждают, что как раз наоборот: именно совесть – базис, а экономика – одна из важнейших надстроек» [2].

Таким образом, историософская концепция Ф. Искандера достаточно близка историософии Л. Толстого. Отрицание особой роли правителей и отказ от понимания истории исключительно как истории государства – одна из главных идей романа «Сандро из Чегема», как и романа «Война и мир». Вместе с тем, отрицание Ф. Искандером государственной истории более радикально по сравнению с историософией Л. Толстого. Исторические события, происходящие в «большом», государственном мире и не имеющие причины по определению, народу несут лишь страдания. Народ и государство у Ф. Искандера всегда разделены (в отличие от Л. Толстого, героев которого, независимо от их социального статуса, Отечественная война 1812 года духовно объединяет и друг с другом, и с государством). Объединяет Л. Толстого и Ф. Искандера и представление о цели истории, которая заключается в нравственном совершенствовании или, по выражению Ф. Искандера, «очеловечивании человека». Без этого история человечества всегда будет трагичной.

Список литературы

1. **Бражников И. Л.** Русская литература XIX-XX вв.: историософский текст. М.: МПГУ, 2011. 240 с.
2. **Графова Л. И.** Душно жить без совести [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/04/iskander.html> (дата обращения: 27.10.2014).
3. **Жолковский А. К.** Очные ставки с властителем: из истории одной пушкинской парадигмы [Электронный ресурс]. URL: <http://ruthenia.ru/document/532193.html> (дата обращения: 27.10.2014).
4. **Искандер Ф. А.** Мои герои взяты из реальной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/interview/20090306/164018852.html> (дата обращения: 27.10.2014).
5. **Искандер Ф. А.** Сандро из Чегема. М.: Эксмо, 2009. 1104 с.
6. **Каневская М. А.** Кратчайший путь к истине: децентрализация дискурса у Фазиля Искандера [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/kane11.html> (дата обращения: 27.10.2014).
7. **Липовецкий М. Н.** Знаменитое чегемское лукавство: странная идилия Ф. Искандера // *Континент*. 2000. № 103. С. 280-291.
8. **Сиземская И. Н.** Л. Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» // *Вопросы философии*. 2010. № 9. С. 135-142.
9. **Толстой Л. Н.** Война и мир. М.: Молодая гвардия, 1971. Т. 3, 4. 703 с.
10. **Толстой Л. Н.** Суеверие государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klassika.ru/proza/tolstoj/> (дата обращения: 27.10.2014).
11. **Чернявский А. Л.** Ещё раз о мировоззрении Л. Толстого [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/24_ch/er/nyavsky3.htm (дата обращения: 27.10.2014).

ATTITUDE TO HISTORY IN NOVELS BY F. ISKANDER AND L. TOLSTOY: ATTEMPT OF COMPARATIVE ANALYSIS

Kholodkov Vadim Sergeevich

*Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
maxifriolero@gmail.com*

The article discusses the main peculiarities of depicting history in the novels “War and Peace” by L. Tolstoy and “Sandro of Chegem” by F. Iskander, determines similarities and differences between historiosophical conceptions expressed in these works, which were touched upon by many scholars, but have never been studied separately from other problems. The paper explores the attitude of both authors to official history and the state, their understanding of the purpose of history, the causes of historical events.

Key words and phrases: L. Tolstoy; F. Iskander; novel; history; historiosophy.